



ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.
129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (803) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

Р Е Ц Е Н З И Я

на заключения специалистов
А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза
№ 1397/3-5/26.1 от 20.06.2008,
№ 1397/3-5/20.1 от 30.06.2008,
составленные по результатам исследований,
проведенных на основании поручения
начальника ГУ «Краснодарская ЛСЭ МЮ РФ»
на производство экспертного
психолого-лингвистического исследования
№ 1397/3-5/26.1, 20.1 от 05.06.2008
по материалам проверки деятельности некоммерческого
партнерства «Центр духовного и физического
совершенствования «Фалунь Дафа»
на территории Краснодарского края

г. Москва

«16» октября 2017 г.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.



**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**
Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

Рецензирование осуществлено на основании договора № 21-09/17 от 21 сентября 2017 г. о проведении научно-методического рецензирования спорного текста исследования экспертов А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза № № 1397/3-5/26.1, 20.1 от 30.06.2008, заключенного между гражданином Любимовым Анатолием Александровичем и Региональной общественной организацией «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (далее ГЛЭДИС).

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов в следующем составе:

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, **начальника научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС Жаркова Игоря Вениаминовича** — кандидата филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 048-01/17-сэ от 30.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол № 55);
- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Ученого секретаря ГЛЭДИС — **доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академика РАЕН Мамонтова Александра Степановича** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 41 год, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-01/17-сэ от 31.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 31 января 2017г., протокол № 56);
- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС — **доктора филологических наук, профессора кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского**



университета дружбы народов Трофимовой Галины Николаевны (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж работы по специальности - 27 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 046-01/17-сэ от 28.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2017 г., протокол №53).

Научная и методическая литература:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
6. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
7. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.



11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007.
17. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
18. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: «Норинт», 2002.
19. Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
20. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.



Для производства рецензирования предоставлены следующие материалы (в копиях).

1. **Поручение** на производство экспертного психолого-лингвистического исследования № 1397/3-5/26.1, 20.1 за подписью начальника ГУ «Краснодарская ЛСЭ МЮ РФ» И. И. Тимошенко, на 1 л.
2. **Заключение специалиста А. В. Богомаз** № 1397/3-5/26.1 от 20.06.2008, на 15 л.
3. **Заключение специалиста А. Г. Рогоза** № 1397/3-5/20.1 от 30.06.2008, на 6 л.

По мнению комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, для оценки представленных на рецензирование документов как доказательств могут иметь значение следующие обстоятельства.

Поручение на производство экспертного психолого-лингвистического исследования № 1397/3-5/26.1, 20.1 за подписью начальника ГУ «Краснодарская ЛСЭ МЮ РФ» И. И. Тимошенко содержит ссылку на письмо прокурора края государственного советника юстиции 2 класса Л. Г. Коржинека № 27/13-3-05 от 30.05.2008 о назначении экспертного психолого-лингвистического исследования с соблюдением требований ст.ст. 14, 15, 19 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Исходя из формы и содержания представленных на рецензирование документов (в дальнейшем также *рецензируемые заключения*), они представляют собой заключения специалистов, составленные экспертами разных специальностей по результатам экспертных исследований, проведенных ими на основании письма прокурора о назначении психолого-лингвистического исследования, тем самым относятся к жанру экспертных заключений.

Жанр экспертных заключений представляет контаминированный тип речи, находясь на стыке научного и официально-делового стилей современного русского языка. Заключение эксперта императивно регламентируется требованиями (наряду с нормами процессуального законодательства) закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», оказывающими влияние на форму и содержание заключения.



Поскольку, исходя из содержания представленных документов, основанием для производства исследований, по результатам которых они были составлены, послужил запрос должностного лица прокуратуры (а следовательно, постановления о назначении судебной экспертизы не выносились; лица, составившие заключения, не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения), процессуальный статус рецензируемых заключений может быть определен как заключение специалиста.

Так же, как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебно-экспертной деятельности. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебно-экспертной деятельности можно найти в монографии д. ю. н. С. А. Смирновой, в настоящее время — руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века» [7]. Как убедительно показано в этой работе, внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебно-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства. Заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертного учреждения и имеют ту же цель, что и государственная судебно-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний. При последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств. Внесудебные экспертизы, выполняющиеся в экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебно-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы



проведения таких экспертиз принимаются методики судебно-экспертного исследования.

Нельзя недооценивать место и роль внесудебных экспертиз в общей структуре судебно-экспертной деятельности и рассматривать их как некую постороннюю деятельность. Следует заметить также, что как в гражданском, так и в уголовном процессе предусмотрен особый статус специалиста — лица, которое обладает специальными познаниями и применяет их в практике судопроизводства, в том числе в форме внесудебных экспертных исследований.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года. С учетом датировки представленных документов, в качестве актуальной при производстве рецензирования комиссия специалистов-лингвистов рассматривает редакцию указанного закона с изменениями, внесенными федеральными законами от 30.12.2001 № 196-ФЗ, от 05.02.2007 № 10-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности



является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.



Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебной-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящие от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип **независимости** эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип наличия у эксперта **определенной и ограниченной процессуальной компетенции**. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип **объективности** исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности



является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;

- принцип **проверяемости выводов** эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип **полноты** экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип **всесторонности** исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;



- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.



Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Особенности производства **комплексной судебной экспертизы** регламентируются ст. 23 указанного закона. В частности:

«В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Если основанием общего вывода



являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть указано в заключении».

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.



С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленных на рецензирование документов является их соответствие описанным выше требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов.

Из содержания представленного для производства рецензирования поручения на производство экспертного психолого-лингвистического исследования вытекает, что исследование, результаты которого отражены в рецензируемом заключении, было **назначено как комплексное**.

Как показано выше, действующее законодательство рассматривает комплексную экспертизу как частный случай комиссионной экспертизы, тем самым устанавливая, что комплексная экспертиза должна проводиться не менее чем двумя экспертами разных специальностей.

На начальном этапе производства комиссионного, в том числе комплексного, экспертного исследования члены экспертной комиссии должны совместно определить, какие из поставленных вопросов относятся к компетенции каждого из экспертов, и в частности, к их совместной компетенции, и определить порядок производства исследования.

Как непосредственно в ходе выполнения исследований, так и на этапе формулирования выводов у экспертов обычно возникает необходимость в проведении совещаний (ср. норму ст. 24 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»: «При составлении экспертом заключения, а также на стадии совещания экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза производится комиссией экспертов, присутствие участников процесса не допускается»).

Однако из содержания рецензируемых заключений следует, что исследования производились экспертами А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза полностью отдельно, в том числе во времени (эксперт А. Г. Рогоза указывает, что приступила к производству исследования 24.06.2008, и ссылается в тексте своего заключения на выводы эксперта А. В. Богомаз, изложенные в заключении, датированном 20.06.2008 и составленном по результатам исследования, проведенного в период с 10.06.2008 по 20.06.2008).



Таким образом, исследования, по результатам которых были составлены рецензируемые заключения, произведены специалистами отдельно, как единоличные. Производство специалистами А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза исследования, которое было назначено как комплексное, в форме двух отдельно выполненных единоличных исследований, **не соответствует** требованиям ст. 23 **Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**, определяющей комплексную судебную экспертизу как комиссионную судебную экспертизу, проводимую экспертами разных специальностей.

В тексте рецензируемого заключения А. В. Богомаз присутствуют явные ссылки на то обстоятельство, что исследование производилось без участия психолога, в связи с чем А. В. Богомаз констатирует, в частности, что поставленные вопросы частично выходят за пределы ее компетенции как эксперта-лингвиста, в связи с чем вынуждена корректировать их формулировку (с. 2–3 рецензируемого заключения).

С учетом изложенного, подмена комплексного психолого-лингвистического исследования двумя единоличными исследованиями, отдельно выполненными лингвистом и психологом, в данном случае **не может рассматриваться как исключительно формальное нарушение**, поскольку эта подмена повлекла за собой **существенные последствия для содержания проведенных специалистами исследований**.

Поставленные перед специалистами А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза вопросы о присутствии в информационных материалах высказываний, направленных на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т. д. со всей определенностью свидетельствуют о том, что обстоятельства, подлежащие установлению в ходе исследования, сводятся к установлению или опровержению наличия у информационных материалов признаков, свидетельствующих об их экстремистском характере.



Вопреки существующей в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции РФ традиции, А. В. Богомаз не считает нужным включить в заключение сведения о правовой базе выполняемого ею экспертного исследования, однако изложенное позволяет определить такую **правовую базу** вполне однозначно — это прежде всего федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., с учетом датировки рецензируемых заключений — в редакции с изменениями и дополнениями, внесенными 27 июля 2006 г., 10 мая и 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., содержащий определение таких ключевых для данной категории дел понятий, как *экстремистская деятельность* и *экстремистские материалы*, определяемых законодателем в форме перечня их возможных признаков.

На исследование А. В. Богомаз, исходя из содержания рецензируемого заключения, были представлены следующие материалы:

- 1) книга «Чжуань Фалунь»;
- 2) брошюра «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае»;
- 3) информационный листок «Фалунь Дафа» в мире» с описанием знака «Фалунь» и сведениями о свастике, ее происхождении и месте в христианской традиции;
- 4) информационный листок «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека», содержащий сведения о преследовании последователей Фалуньгун в Китае;
- 5) брошюра «Фалуньгун — культ ненависти». Данная брошюра, вероятно, не подлежала исследованию.

Список материалов, переданных на исследование специалисту А. Г. Рогоза, согласно ее заключению, выглядит тождественно.

Описание исследований, проведенных А. В. Богомаз в отношении книги «Чжуань Фалунь», включая промежуточные выводы специалиста в отношении указанной книги, наблюдается в начальной части раздела «3. Лингвистическое исследование» рецензируемого заключения на с. 6–9.



Существенно большую часть указанного описания составляют пространственные цитаты из текста исследуемой А. В. Богомаз книги. Соответственно, полный текст, описывающий проведенные А. В. Богомаз исследования указанной книги, может быть представлен в следующем виде, где комбинацией символов «<...>» условно обозначаются цитаты и серии цитат из текста исследуемой книги, в иных случаях угловые скобки используются для комментариев рецензентов, относящихся к приведенным А. В. Богомаз словарным данным:

Текст книги «Чжуань Фалунь» представляет собой 9 лекций, состоящих из подразделов.

Весь текст книги «Чжуань Фалунь» построен на противопоставлении самосовершенствующихся, то есть тех, кто состоит в религиозном объединении «Фалуньгун», возглавляемом Ли Хунчжи, и всех остальных людей, которых автор называет не иначе как «обычными людьми». <...>

Причем это «обычные люди» и все человеческое общество характеризуется автором как нечто грязное и недостойное: <...>. Для описания людей вне религиозного объединения Ли Хунчжи использует лексику, имеющую ярко выраженную негативную коннотацию: <приводятся словарные дефиниции значений лексем *разлагаться* и *дьявол*>.

Согласно Ли Хунчжи, все, состоящие в религиозном объединении «Фалуньгун» стоят намного выше остального человеческого общества и лишь тяжелые грехи могут низвергнуть их до уровня «обычных людей», который является самым низшим в иерархии данного религиозного объединения: <...>

Единственным способом стать лучше и спастись Ли Хунчжи называет обращение в исповедуемую им веру (<...>).

Кроме того, автором постоянно повторяется мысль о необходимости уничтожить недостаточно чистых и хороших с его точки зрения людей: <...>.

Слово **уничтожать** имеет значение <приводится словарная дефиниция значения лексемы *уничтожать*>, то есть автором неоднократно повторяется мысль о неизбежности насильственного истребления человечества, не входящего в возглавляемое им религиозное объединение «Фалуньгун». При этом остается непонятным, чьими силами будет осуществляться это истребление, так как Ли Хунчжи в своих высказываниях ссылается на мнение тех, кто обладает «сверхспособностями» и на «Великих Просветленных».

Причем, Ли Хунчжи говорит не только об уничтожении человечества при помощи высших сил, но и приводит пример того, как он самостоятельно уничтожил старика, «создающего ему помехи» («Чжуань Фалунь», с. 169 – 170). И если поначалу рассказ об уничтожении этого старика имеет метафорическую форму, то завершается он утверждением о полном уничтожении «врага» <...>. Однако непонятно, о какой форме уничтожения — физического, морального или духовного — идет речь.

Также в тексте книги «Чжуань Фалунь» содержится мысль о необходимости отказа от родственных отношений в том случае, если они не поддерживают веру в учение Ли Хунчжи. Указывается на необходимость отказа от супружеских отношений и каких-либо родственных привязанностей. <...>

<...>

Кроме того, Ли Хунчжи высказывает свой взгляд на место мировых религий, который может быть оскорбителен для людей, исповедующих религии, не относящиеся к буддизму: <...>.

Таким образом, в тексте книги «Чжуань Фалунь» содержатся высказывания, провозглашающие исключительность и превосходство последователей религиозного объединения «Фалуньгун» наряду с неполноценностью всех остальных людей на основании их непринадлежности к вышеуказанному религиозному объединению. А также высказывания, вызывающие вражду и неприязнь к людям, не относящимся к данному религиозному



объединению, в том числе к членам семей исповедующих учение Ли Хунчжи. Кроме того, в книге «Чжуань Фалунь» имеются высказывания, содержащие положительную оценку враждебных действий лиц, принадлежащих к религиозному объединению «Фалуньгун» по отношению ко всему остальному обществу.

Приведенное описание содержит следующие наблюдения и суждения А. В. Богомаз, относящиеся к тексту книги «Чжуань Фалунь»:

- 1) описывается построение книги как состоящей из 9 лекций, состоящих из подразделов (данное наблюдение в дальнейшем А. В. Богомаз не используется);
- 2) в тексте книги последовательно проводится противопоставление людей, состоящих в религиозном объединении «Фалуньгун» («самосовершенствующихся») и всех остальных людей («обычных людей»);
- 3) в авторской картине мира существует иерархия, в которой участвуют как члены религиозного объединения «Фалуньгун», так и «обычные люди», находящиеся на низшей ее ступени;
- 4) тяжко согрешившие члены религиозного объединения «Фалуньгун» автоматически опускаются в этой иерархии на более низкий уровень, вплоть до уровня «обычных людей»;
- 5) состояние общества, состоящего из «обычных людей», характеризуется автором как грязное и недостойное;
- 6) для описания «обычных людей» автор использует негативно окрашенную лексику;
- 7) автор называет единственным способом стать лучше и спастись (обращение к цитируемому А. В. Богомаз тексту показывает, что под спасением здесь понимается возможность «никогда не болеть, избавиться от бедствий и устранить карму») обращение в исповедуемую им веру;
- 8) автор «постоянно» повторяет мысль о необходимости насильственного истребления человечества, состоящего из «обычных людей» (погрязших в грехах). Возможно, автор имеет в виду, что уничтожение человечества, о котором идет речь, будет произведено «высшими силами»;



- 9) автор приводит пример того, как он самостоятельно уничтожил старика, «создававшего ему помехи». При этом непонятно, о какой форме уничтожения — физического, морального или духовного — идет речь;
- 10) ссылаясь на п. 9 настоящего списка, А. В. Богомаз высказывает суждение о том, что в результате остается неясным, чьими силами (действительно ли «высшими силами») должно быть осуществлено истребление человечества, о котором говорилось в п. 8 настоящего списка;
- 11) в тексте книги указывается на необходимость отказа от родственных отношений (супружеских и иных родственных привязанностей) с людьми, не поддерживающими веру в учение Ли Хунчжи;
- 12) автор высказывает свой взгляд на место мировых религий, который может быть оскорбителен для людей, исповедующих религии, не относящиеся к буддизму (данное суждение в дальнейшем А. В. Богомаз не используется для разрешения поставленных перед ней вопросов, в связи с чем его оценка комиссией рецензентов не производилась);
- 13) вероятно, на основе п. 2–10 настоящего списка А. В. Богомаз приходит к выводу о том, что «в тексте книги «Чжуань Фалунь» содержатся высказывания, провозглашающие исключительность и превосходство последователей религиозного объединения «Фалуньгун» наряду с неполноценностью всех остальных людей на основании их непринадлежности к вышеуказанному религиозному объединению»;
- 14) вероятно, на основе п. 11 настоящего списка А. В. Богомаз приходит к выводу о том, что в тексте книги «Чжуань Фалунь» имеются «высказывания, вызывающие вражду и неприязнь к людям, не относящимся к данному религиозному объединению, в том числе к членам семей исповедующих учение Ли Хунчжи»;



15) А. В. Богомаз формулирует также вывод, с очевидностью не основанный на каких-либо наблюдениях и (или) высказанных ею суждениях, о том, что «в книге «Чжуань Фалунь» имеются высказывания, содержащие положительную оценку враждебных действий лиц, принадлежащих к религиозному объединению «Фалуньгун» по отношению ко всему остальному обществу» (данный промежуточный вывод в дальнейшем А. В. Богомаз не используется для разрешения поставленных перед ней вопросов, в связи с чем комиссией рецензентов не оценивался).

В дальнейшем выводы, представленные п. 13 и 14 приведенного списка, используются А. В. Богомаз при формулировании общих выводов № 1 и № 2 по результатам проведенного ею исследования.

Однако очевидно, что вывод, представленный п. 13 приведенного списка, **не является надлежаще обоснованным**. Суждения и наблюдения, отраженные в п. 2–10 приведенного списка, отражают картину мира автора книги, исследуемой А. В. Богомаз, в которой противопоставление «обычных людей» и адептов учения, имперсонированного религиозным объединением «Фалуньгун», не является абсолютным; в частности, прямо указывается на возможность перехода людей из одной категории в другую (в одном направлении — через «самосовершенствование», содержание которого А. В. Богомаз не раскрывается; в противоположном — через совершение поступков, квалифицируемых в указанном учении как греховные). Более того, совокупность описанных суждений и наблюдений допускает интерпретацию, согласно которой «обычные люди» рассматриваются автором исследуемой А. В. Богомаз книги как часть (а именно: низшая ступень) иерархии, включающей в себя все общество, а следовательно, рассматриваются автором как люди, которых он предупреждает о грядущем уничтожении, опасность которого связана для них с тяжестью совершенных ими грехов.

Вывод, представленный п. 14 приведенного списка, также **не является надлежаще обоснованным**: побуждение отказаться от поддержания родственных отношений с теми или иными людьми и, соответственно, перестать испытывать и проявлять по отношению к ним добрые чувства как таковое не может



рассматриваться как побуждение к неперемному проявлению вражды и неприязни по отношению к ним: игнорирование никак не подлежит рассмотрению как частный случай враждебных действий. При описании понятийного аппарата своего исследования А. В. Богомаз обходится без определения терминов *вражда* или *враждебный*, однако обращение к толковым словарям современного русского языка показывает, что, скажем, понятие *враждебный* допускает определение 'стремящийся причинить вред кому-либо', что может соответствовать идее игнорирования лишь в случаях, когда речь идет о вреде, причиняемом бездействием, но не действиями.

Однако в контексте дела о признании информационных материалов экстремистскими эксперту, безусловно, следует, руководствуясь дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» иметь также в виду, что существует дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В. В. Путиным в январе 2003 г.): «"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено составителем настоящего заключения) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». Соответственно, для разрешения дела данной категории может иметь значение лишь наличие в спорном тексте призывов к насильственным поступкам, а насильственными характер могут носить только действия. Бездействие насильственным не бывает.

Проведя исследование брошюры «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуныгун в Китае» и информационного листка «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека» (с. 10–12 рецензируемого заключения), А. В. Богомаз приходит к выводу о том, что в этих



информационных материалах содержится негативная информация о внутренней политике правительства Китая, и подробно описывает эту информацию, высказывая собственные суждения о несоответствии действительности и о возможной недостоверности тех или иных сведений, отрицательно оценивая логику авторов этих информационных материалов и рассуждая о том, действительно ли «Фалуньгун» не является религиозной организацией. Тем самым А. В. Богомаз многократно выходит за пределы своей компетенции, вторгаясь в области политологии, истории, общественных отношений, религиоведения и т. п. Впрочем, полученные ею при этом выводы не являются релевантными для разрешения поставленных перед А. В. Богомаз вопросов и не используются в дальнейшем.

Исключение составляет абзац «Таким образом, в независимости от того, являются ли сведения, представленные в брошюре «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» и информационном листке «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека» истинными или ложными, это не оправдывает провозглашаемой Ли Хунчжи идеи превосходства лиц, принадлежащих к религиозному объединению «Фалуньгун» и уничтожение адептов других религий, а также положительную оценку насильственных действий в отношении всего человечества».

Однако в предшествующем описании исследований, проведенных А. В. Богомаз в отношении указанных брошюры и информационного листка, полностью отсутствуют наблюдения и (или) суждения А. В. Богомаз о присутствии в текстах этих брошюры и информационного листка каких-либо высказываний, в которых выражалась бы идея превосходства лиц, принадлежащих к религиозному объединению «Фалуньгун», высказываний, которые уничтожали бы «адептов других религий», а равно высказываний, выражающих «положительную оценку насильственных действий в отношении всего человечества».

В предыдущем контексте приведенного абзаца А. В. Богомаз:

- подробно рассматривает содержащуюся в исследуемом ею тексте брошюры «негативную информацию о деятельности Коммунистической партии Китая», в том числе о преследовании членов религиозного объединения «Фаньлуньгун» (с. 10, абз. 1);



- сообщает о наблюдаемых ею высказываниях, «отрицающих принадлежность объединения «Фаньлуньгун» к религиозным организациям» (с. 10, абз. 2);
- вступает в религиозоведческую дискуссию с авторами исследуемых материалов, пытаясь опровергнуть их описанные в предыдущем абзаце суждения, ссылаясь на содержание книги «Чжуань Фалунь» (с. 10, абз. 3 — с. 11, начало);
- сообщает, что в исследуемом ею информационном листке «содержится негативная информация о внутренней политике правительства Китая, представленная в рассмотренной выше брошюре, а также призывы к бойкотированию Олимпийских игр в Пекине» (с. 11, абз. 1);
- сообщает о том, что в исследуемых брошюре и информационном листке присутствует «большое количество негативной оценочной информации, формирующей в сознании читателя негативный образ Китайского государства», сопровождая это суждение примерами негативнооценочной лексики и приводя ряд словарных дефиниций, обосновывающих его, и особо указывает на использование авторами идеи изъятия органов у еще живых людей для дискредитации китайского государства (с. 11, абз. 2–с. 12, начало).

Иных суждений и (или) наблюдений А. В. Богомаз здесь не наблюдается.

Однако непосредственно следом за этим описанием текстов исследуемой А. В. Богомаз брошюры и информационного листка идет процитированный выше абзац, в котором вдруг появляются слова о «провозглашаемой Ли Хунчжи идее превосходства лиц, принадлежащих к религиозному объединению «Фалуньгун» и уничтожении адептов других религий, а также положительной оценке насильственных действий в отношении всего человечества».

Можно было бы предположить, что речь идет о высказываниях Ли Хунчжи в ранее исследованной А. В. Богомаз книге «Чжуань Фалунь», но это никак не объясняет, откуда в итоговом выводе № 1 (с. 14 рецензируемого заключения) вдруг берется утверждение о том, что «высказывания, вызывающие вражду и неприязнь к людям, не относящимся к данному религиозному объединению, в том числе к членам



семей исповедующих учение Ли Хунчжи», имеются не только в книге «Чжуань Фалунь», но и в брошюре «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае», и в информационном листке «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека». Ни одного подобного высказывания в составе текстов указанных брошюры и информационного листка А. В. Богомаз в исследовательской части заключения на его страницах 9–12 не описывает.

Таким образом, можно констатировать, что вывод № 1 в части, относящейся к брошюре «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» и к информационному листку «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека», не является обоснованным и не соответствует проведенному А. В. Богомаз исследованию.

Особое внимание А. В. Богомаз уделяет наблюдаемому ему в текстах брошюры «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» и информационного листка «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека» призыву к бойкотированию Олимпийских игр в Пекине.

А. В. Богомаз производит подробный анализ соответствующего высказывания К. Кокс, тщательно обосновывая, что это именно призыв, и приходит к выводу о том, что он «имеет побудительный характер к враждебным действиям по отношению к представителям официальной власти Китая, а именно: к бойкотированию и срыву Олимпийских игр в Пекине».

В дальнейшем этот промежуточный вывод используется А. В. Богомаз при формулировании итогового вывода № 3 по результатам исследования (с. 15 рецензируемого заключения). Однако данный вывод **не имеет значения для разрешения дела и не может рассматриваться в качестве надлежащего ответа на поставленный перед А. В. Богомаз вопрос** о наличии в представленных на исследование информационных материалах высказываний, призывающих к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе (в редакции А. В. Богомаз, с. 3 рецензируемого заключения).



Во-первых, бойкотирование, обозначающее, согласно верному и обоснованному суждению А. В. Богомаз (с. 12 рецензируемого заключения), «полное или частичное прекращение отношений с отдельным лицом, организацией, государством», не может рассматриваться как враждебное действие, поскольку относится к категории поступков, представляющих собой бездействие, а враждебные поступки, как показано выше, могут производиться только в форме действия.

Во-вторых, речь здесь идет о поступке, направленном против официальных властей КНР — против китайского государства, то есть конкретного юридического лица, имперсонизирующего группу лиц «граждане КНР», но не тождественного ей. А у словосочетания «официальные власти Китая» не больше оснований считаться обозначением некой социальной группы, чем, скажем, у словосочетания «совет директоров корпорации «Майкрософт».

Данные суждения рецензентов согласуются, в частности, с позицией, изложенной в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Так, согласно п. 4 указанного Постановления:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Вывод № 4 в заключении А. В. Богомаз представляется комиссии рецензентов надлежаще обоснованным, не вызывает каких-либо сомнений.

Полная оценка достоверности и обоснованности суждений специалиста-психолога А. Г. Рогоза, а равно применяемых ею методов и понятийного аппарата



выходит за пределы компетенции комиссии специалистов-лингвистов. Оценка заключения А. Г. Рогоза № 1397/3-5/20.1 производилась комиссией специалистов-лингвистов в основном с позиций общей теории судебно-экспертной деятельности.

Во вводной части рецензируемого заключения, где в экспертных заключениях приводятся, в частности, сведения об известных эксперту обстоятельствах дела, А. Г. Рогоза дословно цитирует каждый из выводов описанного выше лингвистического исследования А. В. Богомаз. Тем самым можно констатировать, что А. Г. Рогоза рассматривает выводы А. В. Богомаз как установленные обстоятельства.

Известные эксперту обстоятельства дела рассматриваются в теории судебно-экспертной деятельности как один из важнейших компонентов исследования. При назначении судебной экспертизы лицо, назначающее ее, обязано сообщить эксперту сведения об установленных по делу обстоятельствах, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед экспертом вопросы. В качестве дополнительного источника сведений об обстоятельствах дела эксперт имеет право использовать и часто действительно использует предоставленные для производства экспертизы материалы дела. При производстве судебно-экспертного исследования эксперт учитывает эти обстоятельства, опирается на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные.

С учетом изложенного, перечисление выводов А. В. Богомаз во вводной части рецензируемого заключения А. Г. Рогоза свидетельствует о том, что А. Г. Рогоза рассматривала заключение А. В. Богомаз как документ, входящий в материалы дела, и использовала его как источник сведений об обстоятельствах дела.

В исследовательской части заключения, полностью посвященной разрешению вопроса о том, воспринимается ли в сознании граждан, не обладающих специальными познаниями в области религии, истории, культуры и искусства, в исследуемых информационных материалах символика и атрибутика, как сходная до степени смешения с нацистской символикой и атрибутикой, А. Г. Рогоза вслед за А. В. Богомаз в качестве одного из специальных источников цитирует работу авторитетного специалиста в области судебного речеведения проф. Е. И. Галяшиной «Лингвистика vs экстремизма».



Комиссии специалистов-лингвистов хорошо известна эта книга, изданная под редакцией председателя правления ГЛЭДИ проф. М. В. Горбаневского.

К сожалению, цитата из этой работы Е. И. Галяшиной, приведенная А. Г. Рогоза, оказалась вырванной из контекста. Специалист А. Г. Рогоза, анализируя сходный со свастикой символ, изображение которого имеется в исследуемых ею материалах, ссылаясь на авторитет Е. И. Галяшиной, говорит о том, что сходный со свастикой символ в определенных ситуациях действительно может однозначно восприниматься как символ фашизма (нацизма).

Однако А. Г. Рогоза трактует тезис Е. И. Галяшиной в том смысле, что свастика является символом фашизма «по умолчанию», вне всякого контекста, в то время как в книге Е. И. Галяшиной подчеркивается: «Общество выбирает конкретный семиотический смысл символа или атрибута в соответствии с контекстом его использования и его значимостью в общественном сознании. Поэтому использование, например, свастики в эмблеме крайне националистического движения (партии) является тем контекстом, который однозначно указывает на то, что в данном случае свастика используется как символ фашизма-нацизма». Е. И. Галяшина далее приводит конкретный случай из судебной практики, связанный с изображением символа, сходного со свастикой, в эмблеме организации РНЕ. Этот символ действительно был признан сходным до степени смешения с нацистской свастикой, но для этого потребовалось глубокое изучение контекста его употребления, включая исследование семиотического (знакового) языка политического стиля РНЕ, в ходе которого было установлено, что этот язык характеризуется целым рядом атрибутов, заимствованных у итальянских и немецких фашистов, а также у русских фашистов 1920–1940-х гг. (в частности, близкое к ритуальному употребление слова «соратник», лозунга «Слава России!», словосочетаний «Национальная революция», «Национально-социальная революция»).

Вне подобного контекста приписывать тот или иной из числа возможных смыслов символу, способному выражать в разных условиях различное смысловое содержание, — совершенно произвольное действие.

Однако именно такое произвольное действие и совершает специалист А. Г. Рогоза:



- А. Г. Рогоза описывает контекст употребления спорного символа в исследованных ею материалах и справедливо констатировав, что этот символ употребляется в них «в виде иллюстрации (!) к повествованию текста, где объясняются исторические корни этого символа и его значение в мировой культуре, то есть на первый план выходит смысловая нагрузка текста, где (из заключения лингвистического исследования) **не содержится высказываний, положительно характеризующих пропаганду и публичное воспроизведение нацистской атрибутики или символики** до степени смешения»;
- однако затем А. Г. Рогоза вдруг начинает рассматривать ситуацию восприятия этого символа «без ознакомления с текстом», то есть, во-первых, специалист А. Г. Рогоза вырывает этот символ из контекста, в котором он использован, а во-вторых, рассматривает его вне всякой привязки к обстоятельствам дела, как изображенный не в конкретных печатных изданиях, а где-то в абсолютном вакууме.

Такой подход является недопустимым и решительно не соответствует методическому источнику (работе Е. И. Галяшиной), на который ссылается специалист А. Г. Рогоза.

С учетом изложенного, вывод специалиста А. Г. Рогозы по результатам проведенного ею исследования, описание которого приводится в рецензируемом заключении, **не может быть признан обоснованным.**

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное, комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС приходит к следующим основным выводам.



1. Производство специалистами А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза исследования, которое было назначено как комплексное, в форме двух отдельно выполненных единоличных исследований, **не соответствует** требованиям ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», определяющей комплексную судебную экспертизу как комиссионную судебную экспертизу, проводимую экспертами разных специальностей.

Подмена комплексного психолого-лингвистического исследования двумя единоличными исследованиями, отдельно выполненными лингвистом и психологом, в данном случае **не может рассматриваться как исключительно формальное нарушение**, поскольку эта подмена повлекла за собой существенные последствия для содержания проведенных специалистами исследований.

2. При производстве исследования, ход и результаты которого представлены в рецензируемом заключении № 1397/3-5/26.1, специалист А. В. Богомаз многократно **выходит за пределы своей компетенции**, вторгаясь в области политологии, истории, общественных отношений, религиоведения и др., **нарушая принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, закрепленный ст.ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

3. **Вывод № 1** специалиста А. В. Богомаз в части, относящейся к книге «Чжуань Фалунь», **НЕ является надлежаще обоснованным**, что свидетельствует о нарушении при производстве исследования принципов объективности и проверяемости результатов судебно-



экспертной деятельности, закрепленных ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

4. Вывод № 2 специалиста **А. В. Богомаз** в части, относящейся к книге «Чжуань Фалунь», также **НЕ является надлежаще обоснованным**, что свидетельствует о **нарушении** при производстве исследования **принципов объективности и проверяемости результатов** судебно-экспертной деятельности, закрепленных ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

5. Вывод № 1 специалиста **А. В. Богомаз** в части, относящейся к брошюре «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» и к информационному листку «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека», **НЕ является надлежаще обоснованным и НЕ соответствует** проведенному **А. В. Богомаз исследованию**, что свидетельствует о **нарушении** при производстве исследования **принципов объективности и проверяемости результатов** судебно-экспертной деятельности, закрепленных ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

6. Вывод № 3 специалиста **А. В. Богомаз НЕ имеет значения для разрешения дела и НЕ может рассматриваться в качестве надлежащего ответа на поставленный перед А. В. Богомаз вопрос о наличии в представленных на исследование информационных материалах высказываний, призывающих к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения,**



отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе (в редакции А. В. Богомаз, с. 3 рецензируемого заключения).

7. Вывод № 4 специалиста **А. В. Богомаз** представляется комиссии рецензентов **надлежаще обоснованным**, не вызывает каких-либо сомнений.

8. Вывод специалиста **А. Г. Рогоза** по результатам проведенного ею исследования, описание которого приводится в рецензируемом заключении № 1397/3-5/20.1, **НЕ является обоснованным**. Указанный вывод, в частности, основан на не имеющих надлежащего обоснования выводах специалиста А. В. Богомаз и **существенно противоречит методическому источнику** (работе специалиста в области судебного речеведения Е. И. Галяшиной), на который ссылается А. Г. Рогоза при его получении, что свидетельствует о **нарушении** при производстве исследования **принципов объективности и проверяемости результатов** судебно-экспертной деятельности, закрепленных ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

9. С учетом изложенного, представленные заключения специалистов А. В. Богомаз и А. Г. Рогоза № 1397/3-5/26.1, 20.1 **НЕ соответствуют требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.**

* * *



Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с действующими процессуальными кодексами РФ и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Специалисты осведомлены об административной ответственности за дачу заведомо ложных пояснений.

Члены комиссии специалистов-лингвистов:

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук,

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС,
академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской словесности
и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН



Всего пронумеровано,
прошнуровано и скреплено
печатью 32 листов.

Президент
Гильдии
лигистов-экспертов
по документальным и
информационным спорам
(М.В. Горбаневский)
«16» сентября



16 ОКТ 2017

